

## ЕВРИПИД ИЛИ КРИТИЙ? \*

Личность Крития, как мы думаем, представляет для историка особый интерес: и ввиду его роли в событиях критического периода афинской истории, и ввиду того, что в лице Крития мы имеем одновременно и политика, и философа, и поэта, причем его литературное наследие, хотя и в крайне фрагментарном виде, находится в наших руках. Таким образом, историческое исследование, посвященное этой фигуре, представляется нам весьма перспективным. Необходимой предпосылкой для такого рода исследования является, однако, решение вопроса о спорных драмах, возможным автором которых наряду с Критием называют Еврипида. Их содержание позволяет считать данный вопрос отнюдь не маловажным, (в одной из них, «Сизифе», мы находим, например, один из самых ярких документов атеистической мысли). Действительно, эта тема не осталась без внимания — так, недавно опубликована статья Альбрехта Диле<sup>1</sup>, где высказывается точка зрения, противоположная той, которую мы попытаемся здесь защитить.

Итак, речь идет о четырех драматических произведениях — «Тенне», «Радаманте», «Пиритое», «Сизифе». Ни одна из рассматриваемых драм не дошла до нас полностью, и число фрагментов, оставшихся от них, совсем невелико. Лучше других сохранился «Пиритой»: в нашем распоряжении его содержание и несколько десятков целых стихов. Большой отрывок, относящийся к «Сизифу», приводит Секст Эмпирик. Сравнительно недавно из оксиринских папирусов мы получили представление о содержании «Радаманта» и «Тенна» (ранее были известны лишь три и один фрагмент соответственно). По-видимому, фр. 7 P. Оху 2455 хранил и содержание «Сизифа», текст во всяком случае сильно поврежден.

Автором названных сочинений был либо Еврипид, либо Критий. Вопрос труден. Никаких абсолютных аргументов мы не приведем. Однако состояние проблемы побуждает нас заново проанализировать традицию и ход полемики вокруг авторства четырех драм. Мы также попытаемся выдвинуть и обосновать некоторые свои соображения в пользу того, что их автором — по крайней мере «Пиритоя» и «Сизифа» — был все-таки Критий, а не Еврипид.

Принадлежность «Сизифа» Критию до недавнего времени не была предметом споров. Поэтому сначала мы остановимся на «Пиритое». | | |

В работе «*Analecta Euripidea*» У. Виламовиц-Меллендорф<sup>2</sup> выдвинул гипотезу, согласно которой автором «Тенна», «Радаманта», «Пиритоя» — как и «Сизифа» — был Критий, а не Еврипид. Опорой в источниках ему послужили сообщение в «Жизнеописании Еврипида» — из драм Еврипида три являются подложными: «Тенн», «Радамант», «Пиритой»<sup>3</sup> — и замечание Афинейя (XI, 496b): автор «Пиритоя» — либо Еврипид, либо тиран Критий. В защиту своей позиции Виламовиц кроме указанных свидетельств выдвинул следующие аргументы. В «Радаманте» и «Пиритое» встречаются слова ἀπαξ εἰρημένα для Еврипида (см. стр. 162), но, что важнее, и содержание фрагментов «Пиритоя» противоречит Еврипиду (стр. 162). Опираясь на исследование Валькенера и собственные наблюдения, Виламовиц делает вывод: Еврипид в космогонии менее всего является последователем Анаксагора. Между тем Климент Александрийский, комментируя один

\* Выражаю глубокую признательность А. К. Гаврилову и А. И. Зайцеву за полезные советы, которые я получил при написании статьи.

<sup>1</sup> A. Diehle, Das Satyrspiel «Sisyphos», Hermes, 105, 1, 1977.

<sup>2</sup> U. v. Wilamowitz-Moellendorf, *Analecta Euripidea*, B., 1875.

<sup>3</sup> Scholia in Euripidem, ed. E. Schwartz, B., 1887, стр. V, 32—34.

отрывок из «Пиритоя»<sup>4</sup>, в котором идет речь о некоей космической силе, рождающей самое себя и сплетающей природу всего в круг эфира, поясняет, что имеется в виду τὸν δημιουργὸν νοῦν. — «Euripides пес δημιουργὸν пес νοῦν povit», — восклицает Виламовиц (стр. 165). Другой фрагмент (598N<sup>2</sup> = 21. D<sup>5</sup>. = 10Sn.):

«Человек весьма тренированного ума бросил, первым сказав, новую мысль, что счастье — в союзе с разумно мыслящими», — по мнению Виламовица, содержит намек на Сократа: Сократ первым среди смертных учил, что счастливая жизнь достигается правильными поступками — следствием разумных мыслей. Мы узнаем ученика Сократа — Крития. Еврипид же придерживается совсем иной точки зрения (стр. 165).

Авторитет Виламовица, бесспорно, сыграл не последнюю роль в том, с какой легкостью его гипотеза — при недостаточной ясности прямых указаний и спорности, как мы увидим ниже, некоторых его аргументов — была принята научным миром. По-видимому, оказало влияние и то обстоятельство, что, отторгая фрагменты наших драм от Еврипида, мы отказываемся от малой части его творчества, для Крития же — приобретаем огромную. Поэтому не выглядит неожиданным мнение Т. Б. Л. Уэбстера, высказанное им в книге о Еврипиде: не стоит тратить слова на обсуждение подлинности «Тенна», «Радаманта», «Пиритоя», признанных подложными уже в античности<sup>5</sup>.

Между тем в 1907 г. Виламовицу возразил Кейпер<sup>6</sup>. Поводом для выступления послужил состоявшийся незадолго до этого доклад Виламовица в Прусской Академии наук, в котором он со всей определенностью подтвердил свою позицию<sup>7</sup>. Кейпер указал на слабость традиции, не признающей за «Пиритоем» авторство Еврипида. Так ли уж согласуется сообщение «Жизнеописания» с Афинеем? Vita Maior причисляет «Пиритоя» к подложным драмам (ψευδοδραμα), Афиней же говорит о драме, которая оспаривается (ἀντιλεγόμενον), и само его свидетельство, единственное называющее возможным автором Крития, оставляет нас перед совершенной неопределенностью (стр. 358 сл.). Кейпер также стремится подчеркнуть разницу между тремя ψευδοδραμα в Vita Maior и тремя ἀντιλεγόμενα в Vita Minor (стр. 357 сл.). В трех кодексах Vita Maior названия драм вообще нет (но в трех остальных есть), и нигде в «Жизнеописании» не названо имя Крития (там же). Кейпер, далее, сумел показать, что космогония упомянутого выше фрагмента не является чем-то совершенно невероятным для Еврипида (стр. 382—385)<sup>8</sup>, что другой приведенный нами фрагмент, по-видимому, не противоречит взглядам Еврипида, кроме того, эта реплика могла принадлежать кому-нибудь из героев, не выражая авторской позиции (стр. 374 сл.). Наконец, Кейпер подобрал ряд языковых параллелей к фрагментам «Пиритоя» из сочинений Еврипида с прочно установленным авторством (стр. 367 сл.). Что же касается редкого слова ἐνδελυχῆς из космогонического отрывка «Пиритоя» и до Платона лишь раз засвидетельствованного у Хойрила Самосского, то Еврипид мог употреблять его с такой же вероятностью, как и Критий (стр. 372).

<sup>4</sup> Fr. 4 Sn. = 593N<sup>2</sup>. = 19D<sup>5</sup>. Подробнее об этом фрагменте речь далее.

<sup>5</sup> The Tragedies of Euripides, L., 1967, стр. 6. Разумеется, мы вовсе не убеждены в том, что за беглым замечанием известного ученого не стоит значительная аргументация проблемы.

<sup>6</sup> J. K u i p e r, De Pirithoo fabula Euripidea, Mnemosyne, 35, 1907.

<sup>7</sup> См. Kleine Schriften, Bd. IV, В., 1962, стр. 534.

<sup>8</sup> Ср. D i e h l e, ук. соч., стр. 33, прим. 10. Представление, что Еврипид придерживался только какого-то одного космогонического учения, является при наличии его многочисленных намеков на различных философов совершенно ошибочным.

Впоследствии Кейпера поддержал Пейдж<sup>9</sup>. В сжатом комментарии к папирусным фрагментам «Пиритоя» он суммирует возражения Кейпера, оспаривает попытки Ханта найти в новых фрагментах дополнительные аргументы в пользу авторства Крития и особое значение придает античной традиции, стоящей за авторство Еврипида. Энергично и не без изящества отстаивая точку зрения Кейпера, Пейдж, подводя итоги, однако, осторожен: прямые свидетельства создают чувство неопределенности, которое ничто не может рассеять. «В целом баланс в пользу Еврипида — правда, мы знаем еще слишком мало, чтобы сделать определенный вывод относительно этой драмы (т. е. „Пиритоя“). Я предпочитаю, — пишет Пейдж, — the consensus of ancient opinion в публикации этой пьесы под именем Еврипида» (стр. 122 сл.).

Что, однако, показал Кейпер? Что во фрагментах «Пиритоя» многое близко Еврипиду<sup>10</sup>. Но ведь в драме, автором которой был если не Еврипид, то Критий, его современник, человек из той же интеллектуальной среды, в драме, которая столетиями могла приписываться Еврипиду, иначе и быть не могло. Если Кейпер основательно показал, что аргументы Виламовица не всегда удачны и его стремление доказать, что «все является нееврипидовым», неправомерно, то, с другой стороны, можно утверждать, что в наших фрагментах все как нельзя лучше подходит Критию. Но подробнее об этом мы скажем в свое время. Сейчас же имеет смысл отметить, что аргументированная полемика Кейпера и вслед за ним Пейджа с точки зрения Виламовица лишний раз, как нам кажется, побуждает заново проанализировать состояние традиции и фрагментов наших драм, чтобы попытаться найти какие-нибудь дополнительные аргументы в пользу авторства Крития<sup>11</sup>.

Итак, приведем данные традиции. Vit. Eur., p. V, 32—34: и всего у него было 92 драмы, а сохранилось — 78. Из них 3 считаются подложными (νοθεύεται) — «Тенн», «Радамант», «Пиритой».

Vit Eur., p. VIII, 128—131: сохранилось 66 его драм и к этим еще 3 оспариваемых (ἀντιλεγόμενα); а сатировых драм — 8, и из них одна оспаривается (ἀντιλέγεται).

<sup>9</sup> D. L. Page, Greek Literary Papyri, I, L., 1942.

<sup>10</sup> И это в своей конкретности, конечно, очень важное наблюдение. Ср.: оба, Еврипид и Критий, и причем только они, употребляют слово χρυσόστομος — Еврипид в «Елене» (470), Критий в одной из элегий (фр. 2D<sup>5</sup>).

<sup>11</sup> Дильс и Гранц в изданиях «Die Fragmente der Vorsokratiker» ограничиваются ссылками на Виламовица, как и следующие переводчики: А. О. Маковельский (Софисты, вып. 1—2, Баку, 1941) и Ж.-П. Дюмон (Les sophistes. Fragments et témoignages traduits et présentés par J.-P. Dumont, P., 1969). Гипотезу Виламовица принимают В. Нестле, автор капитальной статьи о Критии (W. Nestle, Kritias. Eine Studie, «Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum», Bd. XI, 1903), А. Блюменталь (A. v. Blumenthal, Der Tyrann Kritias, Stuttg. — В. — Lpz., 1923), Д. Стефанс, автор специальной диссертации, посвященной жизни и литературному наследию Крития (D. Stephans, Critias. Life and Literary Remains, Diss., Cincinnati, 1939), и В. Фоссати (V. Fossati, Il mito nelle tragedie di Crizia, «Dioniso», XIII, 1950). Об Убстерере мы уже говорили. Осторожнее и даже скорее в русле Пейджа — Кокль. Показательно название его статьи, посвященной одной конъектуре: W. C. H. Cockle, P. Oxy. XVII, 2078: Euripides (?) or Critias (?) Pirithous, Cl. Rev., XX, 1970. В общих трудах господствует точка зрения Виламовица; его гипотеза, по выражению Диле, сегодня считается гарантированным знанием (ук. соч., стр. 29, прим. 2). Однако Шмид (W. Schmid — O. Stählin, Geschichte der griechischen Literatur, T. I, Bd. 3, München, 1940, стр. 180), а еще раньше Блас (Fr. Bläß, Die attische Beredsamkeit, Bd. 1, 2. Aufl., Lpz, 1887, стр. 269, прим. 3) возражают против стремления Виламовица приписать Критию все νοθεύόμενα Еврипида (речь идет о «Тенне» и «Радаманте»). Предельно осторожен Хоффманн (H. Hoffmann, Chronologie der attischen Tragödie, Diss., Hamburg, 1951). В вопросе о тетралогии он следует Бласу и Шмиду. Франц Штесль (RE, Supplbd., XI, 1968), не помещая в каталог Еврипидовых драм ни «Пиритоя», ни «Тенна» и «Радаманта» (см. стб. 659 сл.). Бруно Снель (Tr. Gr. Fr., Göttingen, 1971) помещает их под именем Крития.

Вопреки Кейперу, мы склонны придавать большое значение не расхождению между Vita Maior и Vita Minor (νοθεύεται — ἀντιλεγόμενα), а совпадению числа подложных и оспариваемых драм. По-видимому, речь идет об одних и тех же сочинениях.

В сообщении Афиней (XI, 496a—b) говорится о слове *πλημοχόη* (глиняный сосуд, который, как выясняется, употребляется в обрядах элевсинских мистерий): ΠΑΝΜΟΧΟΝ σκεῦος... ὡς φησι Πάμφιλος. γρῶνται δὲ αὐτῷ κτλ. μνημονεύει αὐτῶν καὶ ὁ τὸν Πειρίθου γράφας, εἴτε Κριτίας ἐστὶν ὁ τύραννος ἢ Εὐριπίδης, λέγων οὕτως: ἵνα πλημοχόας κτλ. (fr. 592N.<sup>2</sup>=17D.<sup>5</sup>=25n). Как мы видим, замечание Афиней действительно оставляет нас перед неопределенностью. Но кому принадлежит сомнение в авторстве «Пиритоя» — Памфилу или Афинейю? Кейпер полагает, что καὶ связывает Πάμφιλος с ὁ τὸν Πειρίθου γράφας, и что последнее сообщение принадлежит, следовательно, самому Афинейю и к Памфилу не восходит (ук. соч., стр. 359). Мнение Кейпера на первый взгляд выглядит совершенно справедливым, тем более что для него можно найти подтверждения из наблюдений над словоупотреблением Афиней (219a: ... εἴτ' Αἰσωπός ἐστιν ὁ λογοποιὸς ἢ ἄλλος τις). Однако ряд обстоятельств заставляет усомниться в предложенной им интерпретации. В поздней античности «Пиритоя» читали редко. Это видно по характеру цитат из этой трагедии: подавляющее большинство из них — это сентенции, кочевавшие из одного доксографического сочинения в другое<sup>12</sup>. Трудно поверить в то, что Афиней так хорошо знал текст редкой драмы и мог процитировать такое нетривиальное место<sup>13</sup>. Гораздо правдоподобнее, что Афиней нашел цитату там же, где и информацию о слове *πλημοχόη*. В книге XI сочинения Афиней Памфил используется постоянно. Его имя названо 15 раз. А priori можно утверждать, что какие-то цитаты Афиней брал в готовом, подобранном уже виде у Памфила, и он, нетрудно заметить, последовательно избегает указывать, какие именно. Стало быт, всякий раз, когда Афиней говорит неясно, мы вправе его подозревать. Подобного рода случаи совсем не редкость. Athen., II, 52f, 253b: ... Πάμφιλος... ἀμυγδαλῆ καὶ ῥοδῆ. καὶ Ἀρχιλόχος ῥοδῆς τε καλὸν ἄνθος. Далее следует несколько цитат к слову ἀμυγδαλὸν (Евполид, Аристофан, Фриних, а также Трифон). Имя самого Памфила вновь появляется в конце параграфа.

Athen., XIV, 645c: ΕΠΙΧΥΤΩΝ... Πάμφιλος δὲ τὸν ΑΤΤΑΝΙΤΗΝ καλούμενον ἐπιχυτὸν φησι καλεῖσθαι. τοῦ δὲ ἀττανίτου Ἰππῶναξ ἐν τούτοις μνημονεύει (Далее следует цитата). Athen., VII, 315a—c: ΟΡΦΩΣ... вслед за именем Памфила — μνημονεύει δ' αὐτοῦ Νουμήνιος φησι и блок цитат. |

Athen., XI, 471c sqq.: Πάμφιλος... μνημονεύει τοῦ ἐκπώματος καὶ Ἀντιφάνης ἐν Ὁμοίοις... И далее опять блок цитат (кроме Антифана, Евбул, Алексис и sic!) Ἀραρῶς δ' ἢ Εὐβουλος ἐν Καμπυλίῳνι, т. е. опять сомнение в авторстве.

Обращает на себя внимание *μνημονεύει* (καί). Афиней нередко в различных частях сочинения вводит таким образом цитаты, но все же это далеко не самый популярный способ. Если же недалеко от цитат стоит имя Памфила, почти непременно появляется *μνημονεύει* (καί)<sup>14</sup>. Похоже, что это соответствует манере самого Памфила.

Что касается непосредственно интересующего нас места, то имя Памфила трижды названо чуть выше (494—495a). Показателен небольшой параграф, предшествующий нашему. XI, 496a: ΠΕΤΑΧΝΟΝ — широкий кубок, который упоминает (*μνημονεύει*) Алексис в «Дропиде». *μνημονεύει* αὐτοῦ καὶ Ἀριστοφάνης ἐν Δράμασι λέγων... (цитата). Можно почти не со-

<sup>12</sup> Такого рода fr. 18—23 D<sup>5</sup>. Климент и Стобей (приводят fr. 18—19 и 21—23 соответственно) почти наверняка трагедию не читали.

<sup>13</sup> Отметим, что это единственная у Афиней цитата из «Пиритоя».

<sup>14</sup> См. Athen., IX, 387; XI, 494, 495, 496, 497, 472, 475, 478.

мневаться, что Афиней нашел эти ссылки там же, где и добыл сведения о следующем интересовавшем его слове *πλημοχόη*, — у Памфила. Выше и ниже параграфа цитируются авторы, которых мог цитировать Памфил и цитаты из которых появляются в соседстве с именем Памфила и в других местах у Афиней<sup>15</sup>.

Мы, таким образом, убеждены, что колебания относительно того, кого считать автором «Пиритоя», отраженные у Афиней, восходят к авторитетному Памфилу и, следовательно (через Памфила), к хорошим источникам.

Другое дело, что принадлежащим Еврипиду «Пиритоя» считают Сатир, биограф Еврипида, Климент Александрийский, который, по-видимому, следует Гекатею Абдерскому (FrGrH. 264, fr. 24), схолиасты к Еврипиду, Аристофану, Аполлонию Родосскому, Иоанн Диакон и Григорий Коринфский — комментаторы Гермогена, Стобей.

Между тем не является праздным вопрос, а какие еще, кроме Афиней, имеются свидетельства, что Критий вообще писал какие-то драмы? Прежде всего, естественно, Секст Эмпирик, который под именем Крития приводит 42 ямбических стиха (из «Сизифа»). Во-вторых, Стобей. Четыре раза он цитирует небольшие фрагменты драматических сочинений, кратко помеченных *Κριτίου*<sup>16</sup>. При этом Стобей называет «Пиритоя» и «Радаманта» принадлежащими Еврипиду<sup>17</sup>. Но это ни о чем не говорит, даже о том, что приведенные Стобеем цитаты под именем Крития не могут относиться к «Пиритю» или «Радаманту». Характер его сочинений явно указывает на то, что он пользовался какими-то составленными уже сборниками и зачастую брал цитаты из вторых рук. Поэтому в его сочинениях могли отразиться две противоположные традиции, и для нас свидетельства Стобея важны как отражение традиции, признающей за Критием какие-то драматические сочинения. Весьма вероятно, что отголоски этой традиции мы находим и у Поллукса<sup>18</sup>.

Бруно Снелль в своем издании фрагментов греческих трагиков среди свидетельств о Критии приводит два места из платоновских диалогов (мы их даем в переводах):

— «Харм». 162 d: он же (т. е. Критий) не сдерживался, но, как мне казалось, сердился на него, словно поэт на актера, скверно исполняющего его произведение.

— «Крит». 103b: так уж и быть, любезный Критий, открою тебе наперед, как настроены зрители этого театра: предыдущий поэт имел у них поразительный успех, и, если ты только окажешься в состоянии сменить его, снисхождение тебе обеспечено<sup>19</sup>.

Итак, две сходные метафоры в двух разных диалогах по отношению к одному человеку — случайность ли это?!

На эти две реплики обратил внимание еще Хельмут Хофманн. По его мнению, само собой разумеется, что на их основании нельзя делать какие-либо выводы<sup>20</sup>. Также и Диле говорит об очень неопределенных намеках<sup>21</sup>. Действительно, язык Платона изобилует метафорами, встречаются среди них и «театральные», поэтому прежде чем утверждать, что употребление приведенных метафор по отношению к Критию не является случайностью и что за ними следует видеть намек на драматургическую деятельность

<sup>15</sup> Это Аристофан (см. XI, 494; II, 52 sq.; VII, 315c), Алексис (см. XI, 471), Ион Хийский (см. XI, 478b — c), Симарист (см. там же), Филет (см. XI, 478).

<sup>16</sup> Fr. Crit. 2—5 N.<sup>2</sup>

<sup>17</sup> Fr. 596—598, 659 N.<sup>2</sup>

<sup>18</sup> См. fr. Crit. 6, 7 (а также fr. 259 Aesch.) N.<sup>2</sup>, см. и fr. 8, 9 N.<sup>2</sup>

<sup>19</sup> Пер. С. С. Аверинцева в кн.: П л а т о н, Соч. в 3 тт., т. 3/1/, 1971.

<sup>20</sup> Hofmann, ук. соч., стр. 140, прим. 1.

<sup>21</sup> Diehle, ук. соч., стр. 29.

Крития, необходимо рассмотреть остальные случаи использования метафор с театром в платоновских текстах. Мы сразу приведем результаты наших наблюдений. Можно выделить два типа метафор с театром. Один из них доминирует. Это широкий круг метафор типа: театр — народное собрание, театральная публика — толпа (в противоположность судье-знатоку), поэт — оратор, театральное искусство — вид риторики<sup>22</sup>.

Второй тип метафор — уподобление выступающего с речью перед участниками сократовского кружка поэту, выступающему перед театром. Один отрывок из «Крития» уже приведен, приведем теперь следующий вскоре за ним (108d—e)

(Критий):

«Ведь если я верно припомню и перескажу то, что было поведено жрецами и привезено сюда Солоном, я почти буду уверен, что наш театр сочтет меня сносно выполнившим свою задачу»<sup>23</sup>.

Очень похоже в «Пире» (194a—b):

«Ты хочешь, Сократ, — сказал Агафон, — одурманить меня, чтобы я сбился от одной мысли, что этот театр ждет от меня невесть какой прекрасной речи. — У меня, пожалуй, будет очень скверная память, Агафон, — отвечал Сократ, если я, видевший, как храбро и важно всходил ты с актерами на подмостки и перед исполнением тобой же сочиненных речей глядел в глаза такому огромному театру без малейшего страха, смогу подумать, что ты растеряешься перед небольшим нашим кружком»<sup>24</sup>.

Параллелизм совершенно очевиден, причем не только в содержании метафор, но и в способе их преподнесения: одна реплика принадлежит Сократу, другая — готовящемуся выступить с речью. Но об Агафоне как авторе трагедии мы очень хорошо знаем. Из параллели с «Пиром» становится ясно, что театральная метафора в диалоге, посвященном Критию не случайна: в ней заключен намек на его драматическую деятельность. Сюда же примыкает метафора из «Хармида» (Критий сердился, словно поэт на актера, плохо исполняющего его произведение, — речь идет о том, что Хармид, как кажется Критию, плохо излагает то, чему от него научился). Параллелей для «Хармида» мы не нашли. Если их действительно нет, то это говорит только о том, что метафора с поэтом и актером появилась не случайно именно в связи с Критием.

Итак, насколько вообще возможны какие-либо твердые выводы при отсутствии прямых свидетельств, можно считать: Платон, племянник Крития, авторитетнейший свидетель, причисляет Крития к роду драматических поэтов. Ему вторят Секст Эмпирик, Афиней, Стобей и, может быть, Поллукс — т. е. внушительная традиция<sup>25</sup>.

Естественно ожидать, что на проблему «Пиритоя» прольют какой-то свет и «Лягушки» Аристофана: большая часть действия «Лягушек», как, очевидно, и «Пиритоя»<sup>26</sup> происходит в Аиде, но часть — и на поверхности

<sup>22</sup> Legg. 659a—c, 700e sqq., 876b; Resp. 492a—d; Gorg. 502b—d; Phaedr. 258a—b. Сюда же примыкает метафора: театральное состязание — политическая борьба из Ер. IV, 321a, подлинность которого под вопросом.

<sup>23</sup> Пер. С. С. Аверинцева в указанном издании.

<sup>24</sup> Пер. С. К. Апта в ук. изд., т. 2 — с небольшими изменениями. Далее — метафора: толпа — зрители.

<sup>25</sup> Добавим к этому еще наблюдения С. Ашера. См. S. Usher, Xenophon, Critias and Theramenes, JHS, 88, 1968, где он приводит ряд аргументов в пользу того, что речь Крития, как она изложена у Ксенофонта (Hell. II, 3, 24—34), весьма близка к подлинной. В частности, он отмечает наличие в речи Крития слов, чуждых Ксенофону, но характерных в том числе для трагедии (Φανατηφόρος — см. стр. 131). Если теперь на основании анализа Платона считать доказанным, что автором каких-то драм Критий наверняка был, то аргументация Ашера получает некоторое подкрепление.

<sup>26</sup> См. у Дильса и Снеля.

земли <sup>27</sup>: как Пиритой, сопровождаемый Тесеем, спускался в Аид за Персефоной, так и Дионис, сопровождаемый Ксанфием, отправляется за Еврипидом. Поэтому закономерны поиски аллюзий на «Пиритоя» в «Лягушках». Если «Пиритой» принадлежит Еврипиду, то эти поиски тем более должны увенчаться успехом.

Схолии к «Лягушкам» вспоминают «Пиритой» лишь один раз, в связи со стихом 142 (Геракл объясняет Дионису, что придется дать два обола Харону; Дионис, пораженный всеилием двух оболов, спрашивает, откуда они взялись в Аиде. «Тесей ввел», — отвечает Геракл). Схолий неудачен. В высшей степени маловероятно, чтобы автор «Пиритоя» заставлял Тесея заниматься в Аиде какими-то нововведениями. Аристофан имеет в виду все нарастающее стремление афинской демократии связать себя с традицией, с абсолютным по ценности прошлым. Это явление ярко отражено в «Эпитафии» Лисия и других произведениях близкого к «Лягушкам» времени. Сама демократия начинает мыслиться как исконно присущая аттической земле, а Тесей — ее основателем. Так уже в «Умоляющих» Еврипида, но и не их имеет в виду Аристофан, а общую тенденцию, впоследствии отразившуюся в «биографии» Тесея, написанной Плутархом. Странен и сам схолий. Согласно ему Пиритой был проглочен Кербером. Очевидно, схолиаст не имел под рукой текста трагедии, а содержание ее помнил плохо.

Сохранился фрагмент «Пиритоя», в котором Эак, охраняющий Аид, окликает приближающегося Геракла. Тот в ответ рассказывает, что родина его — Аргос, имя — Геракл, он — сын Зевса, отца всех богов, сюда же он послан Еврисфеем за «собакой-Кербером» (fr. 16 D.<sup>5</sup> = 1 Sn.). В «Лягушках» Диониса, переодетого Гераклом, Эак, окликнув идущего и узнав, что он называет себя Гераклом, встречает бранью: увел у нас собаку-Кербера (464 слл.). Схолиасты молчат. Как думает ван Левен, они либо знали, либо полагали, что автором «Пиритоя» был не Еврипид, но Критий, и поэтому отказались от поисков намеков на эту трагедию <sup>28</sup>. Однако автор схолия к «Птицам» Аристофана (179), не колеблясь, считает автором «Пиритоя» Еврипида. По мнению Радермахера, в «Пиритое», известном александрийцам, не было стихов, которые пародирует Аристофан, в противном случае схолиасты не могли их не заметить <sup>29</sup>. Виламовиц, однако, настаивает, что пародируется как раз диалог Эака с Гераклом, но пародируется не Еврипид, а подражатель его — Критий <sup>30</sup>.

Со своей стороны, мы вообще не видим здесь никакой пародии (по крайней мере «Пиритоя»). Это обычная для Аристофана сцена перед дверью, богатая разнообразными комедийными возможностями (ср., например, Гермес и Тригей в «Мире»). Зрителю, чтобы ему было смешно, достаточно знать, кто такой Геракл и как он ходил за Кербером, и совсем не обязательно иметь какое-либо представление о трагедии «Пиритой». В блистательной тираде Эака нет ни имени Пиритоя, не названы среди ужасов Аида и драконы, которые, согласно трагедии, стерегли Пиритоя. Молчание схолиаста тоже, конечно, является аргументом, хотя Хофманн приводит несколько примеров, когда античные комментаторы, по-видимому, просмотрели аллюзии на Еврипида <sup>31</sup>.

<sup>27</sup> См. W i l a m o w i t z, Kleine Schriften, IV, стр. 534 сл.; ср. P a g e, ук. соч., стр. 121.

<sup>28</sup> V a n L e e u w e n, Aristophanis Ranae, Leiden, 1896, стр. 79.

<sup>29</sup> L. R a d e r m a c h e r, Aristophanes' Frösche, 3. Aufl., Graz, Wien, Köln, 1967, стр. 113. Радермахер допускает также возможность, что Аристофан пародировал не ту трагедию «Пиритой», которую знали александрийцы (принадлежащую Критию), а несохранившуюся трагедию Еврипида (?) (там же, стр. 214).

<sup>30</sup> Kleine Schriften, IV, стр. 534 сл., 447.

<sup>31</sup> H o f m a n n, ук. соч., стр. 145, прим. 1 (A r i s t o p h., ran., 1206—8 — E u r., fr. 846 N<sup>2</sup>, ran., 1309 sqq. — E u r., fr. 856 N<sup>2</sup>, ran., 1400 — E u r., fr. 888 N<sup>2</sup>).

Не видим мы пародии и в других местах «Лягушек». Нигде не упоминается имени Пиритоя, нигде мы не встречаем намеков на нисхождение его вместе с Тесеем в Аид, хотя Гераклу, в связи с деяниями которого в подземном царстве в комедии постоянно возникают комические, в том числе пародийные, коллизии, в трагедии «Пиритой» отводилась важная роль — освобождение друзей. Могут возразить, что пародия в самом сюжетном ходе «Лягушек». Но такое допущение кажется нам натяжкой: куда, как не в Аид, следовало Дионису идти за Еврипидом, если поэт именно туда, так сказать, переселился? Кроме того, чтобы создать пародийный эффект, недостаточно в комедии повторить композицию трагедии, необходимо заставить это дублирование соответствующим образом звучать, дать понять, что оно появилось неслучайно. Для этого достаточно было хотя бы беглого — однако ясного — намека. Такого намека в «Лягушках» нет.

Что же, Аристофан в комедии, сквозным мотивом которой является пародия Еврипида, отказывается от лежащих под рукой блестящих возможностей? По-видимому, ему попросту ничего не известно о трагедии «Пиритой» Еврипида.

Однако проявим осторожность, необходимую при *argumentum ex silentio*, и удовлетворимся констатацией того факта, что по крайней мере в пользу авторства Еврипида из «Лягушек» Аристофана нельзя извлечь ничего <sup>32</sup>.

Обратимся теперь специально к «Сизифу». Секст Эмпирик (*Adv. math.* IX, 54) цитирует под именем Крития 42 известных стиха, в которых излагается теория происхождения законов и религии, не оговаривая названия драмы. Некоторые из этих стихов цитируют Аэций (*Doxogr.* 294, 298) и Гален (*Doxogr.* 617) под именем Еврипида <sup>33</sup>, а из Аэция мы узнаем и название драмы — «Сизиф». На этом основании исследователи давно уже отождествляют стихи, приведенные Секстом, с «Сизифом», принадлежащим, однако, не Еврипиду, как полагает абсолютное большинство из них, а Критию. Дополнительными аргументами в пользу авторства Крития могут служить сообщения «Жизнеописания» Еврипида (см. выше) о том, что одна из его Сатирических драм оспаривается, и причисление Крития к  $\kappa\acute{\alpha}\theta\eta\sigma\tau\omicron\iota$ : Секстом (*Rug. Nur.* III, 218) и Плутархом (*De superst.* 13), причем в обоих случаях в паре с Диагором. Следовательно, существовала традиция об атеизме Крития <sup>34</sup>.

Недавно А. Диле попытался поколебать широко распространенное убеждение в принадлежности этой Сатирической драмы Критию и доказать, что ее автором был Еврипид. Все, по мнению Диле, говорит против гипотезы Виламовица. Сатирическая драма «Сизиф» прекрасно засвидетельствована для Еврипида с тетралогией «Троянки», «Александр», «Паламед», поставленной в 445 г. Элианом (*V. X.*, II, 8); она упоминается в каталоге из Пирея (*IG II<sup>2</sup>*, 2363, ок. 100 г. до н. э.) <sup>35</sup>; мы находим содержание «Сизифа» в Р.Оху. 2455 среди содержаний прочих пьес Еврипида <sup>36</sup>; никакой

<sup>32</sup> И Карло Прато (*C. Prato, Euripide nella critica di Aristofane, Galatina, 1955*) не видит в «Лягушках» аллюзий на «Пиритоя» (либо он не считает эту трагедию принадлежащей Еврипиду). Недавно опубликованный Кельнский папирус (*B. Krag, R. Hübner, Kölner Papyri, I, Opladen, 1976*), хранящий отрывок «Пиритоя», в котором говорящим является Геракл и упоминается Кербер, остался нам знакомым лишь по рецензии в *Studia papyrologica*, XV, fasc. 2.

<sup>33</sup> Также и автор схолия к *Eur., Or.* 982 намекает на стк. 35 нашего отрывка, считая его принадлежащим Еврипиду.

<sup>34</sup> Это признает и Диле (ук. соч., стр. 36).

<sup>35</sup>  $\sigma\acute{\alpha}\tau\upsilon\rho\iota$   $\Sigma\iota\sigma\upsilon\phi\omicron\varsigma$ , см. у Снеля, *SAT V I*, 40.

<sup>36</sup> Об этом папирусе см. *C. Austin, Nova fragmenta Euripidea in papyris reperiata, B., 1968.*

текст не связывает каким-либо образом «Сизиф» с трилогией «Тенн», «Радамант», «Пиритой» (ук. соч., стр. 30).

Но как случилось, что Секст цитирует «Сизиф» как произведение Крития? Только если авторитет Секста, считает Диле, ценить выше, чем многочисленные ему противоречащие свидетельства, можно следовать за Виламовицем с Науком, Дильсом, Снелем и многими другими (стр. 31).

Дело, однако, не в авторитете Секста. Здесь уместно вспомнить, что случаев, когда чужие произведения приписывались великим мастерам мы знаем сколько угодно. Много ли найдется противоположных? Как могло случиться, что «Сизиф» — равным образом и «Пиритой» — были несправедливо отторгнуты от великого Еврипида и приписаны менее значительному Критию? Уже в силу этого *onus probandi* лежит на защитниках авторства Еврипида, им необходимо объяснить, как возникла версия о Критии.

Диле, однако, как раз и пытается это сделать. Он обращает внимание на то обстоятельство, что в надежных фрагментах Крития нигде нет следов атеизма. Репутацию безбожника Критий, по мнению Диле, приобрел не своим творчеством, а своей деятельностью (необузданность Крития; он оторвал от алтаря Ферамена; связь с Сократом, обвинявшимся в непочитании богов), и затем только его атеизм был документирован текстом (стр. 32).

Рассуждение Диле не убеждает. Не ясно, например, почему безбожие Крития понадобилось документировать еврипидовским «Сизифом», — да и как это было возможно? — а не каким-нибудь другим атеистическим или мнимо атеистическим текстом, об обилии каковых, относящихся к концу V в., говорит сам ученый. Но главная слабость в другом: Диле обстоятельным образом пишет об атеистической репутации Еврипида<sup>37</sup>, более устойчивой, как он показывает, чем у Крития (стр. 28, 33 сл.). Становится, таким образом, непонятно, зачем текст, который, как никакой другой, мог наглядно документировать славу безбожника одного (и притом знаменитого), нужно было передать другому (гораздо менее известному), сочинения которого вызывали несравненно меньший интерес и о котором поэтому было совсем не так, как о Еврипиде, интересно распространять сенсационные или скандальные сведения? Скорее наоборот: для подтверждения Еврипидовой репутации безбожника «Сизиф» Крития мог быть Еврипиду переадресован, что было сделать тем проще, что какая-то Сатирическая драма «Сизиф» Еврипидом была поставлена, Критий же как драматург широко известен не был.

Отмеченные А. Диле (стр. 35 сл.) странности в тексте Секста в разделе об атеистах (§ 45—57) и особенно в параграфе о Критии (сбивчивость композиции, наличие повторов; необычно большая цитата для такого сравнительно малоизвестного поэта, как Критий, ее обрамление — сначала историческая справка о Критии, затем изложение содержания отрывка и потом только цитата) не такого, однако, рода, чтобы иметь скольконнибудь решающее значение. Сам Диле видит за этими странностями контаминацию различных источников (и это весьма правдоподобно), в результате которой к справке о безбожнике Критии был приложен текст «Сизифа», приготовленный, надо понимать, для Еврипида, имя которого в процессе той же контаминации (осуществлявшейся, по Диле, либо Секстом, либо его доверенным лицом) выпало? Это требует слишком многих допущений и неправдоподобно.

<sup>37</sup> При этом Диле всячески подчеркивает неоправданность такой репутации Еврипида: то, что говорят герои, еще не есть мнение автора.

Что же касается некоторой (действительно реальной) близости между отрывком из «Сизифа» и известным монологом Киклопа из сохранившейся сатировой драмы Еврипида<sup>38</sup>, то мы подозреваем, что любая радикальная софистическая теория того времени, будучи изложена в стихах соответствующим размером, чрезвычайно напоминала бы нам как «Киклопа», так и «Сизифа»

Таким образом, статья Диле (будучи, бесспорно, тщательным и глубоким исследованием) в главном пункте — кто был автором «Сизифа» — не имеет, однако, доказательной силы и не вынуждает нас пренебречь прямым свидетельством Секста Эмпирика и согласующимися с ними косвенными данными традиции.

Но как быть с «Сизифом», поставленным Еврипидом в 415 г. вместе с троянской тетралогией (Aelian., V.X.II, 8)? Правдоподобное объяснение дает Виламовиц. Было два «Сизифа» — один, написанный Еврипидом, другой — Критием<sup>39</sup>. Уже ко времени александрийцев «Сизиф» Еврипида был утрачен. Но то хорошо известное обстоятельство, что Сатирическая драма с таким названием была поставлена великим трагиком, и породило запутанную ситуацию, когда «Сизиф» Крития время от времени приписывался Еврипиду<sup>40</sup>.

Очевидно, иначе обстояло дело с «Пиритоем». У нас нет никаких оснований думать, что в «Дидакалиях» значились две трагедии с таким названием. Уже к концу IV в. до н. э. о Критии кроме того, что он один из Тридцати, знали очень мало<sup>41</sup>. И хотя Аристотель, хорошо осведомленный о Критии<sup>42</sup>, поставил в «Дидакалиях» его имя, к этому времени уже сложилась традиция<sup>43</sup>, согласно которой автором «Пиритоя» считался Еврипид<sup>44</sup>. Впоследствии те, кто предпочитал верить Аристотелю, отрицали принадлежность «Пиритоя» Еврипиду; другие, большинство, предпочитали верить общему мнению.

Ряд обстоятельств заставляет нас думать, что и «Тенн», и «Радамант» были написаны Критием и вместе с «Пиритоем» и «Сизифом» составляли тетралогии:

1. Если бы древние знали какие-нибудь другие драмы Крития, кроме тех, которые обыкновенно считались принадлежащими Еврипиду, то, принимая во внимание интерес, появившийся к его сочинениям со времени Герода Аттика, и обилие известных нам названий его сочинений в других жанрах, почти с уверенностью можно сказать, что мы бы слышали названия его драм и располагали бы недвусмысленными свидетельствами о том,

<sup>38</sup> См. D i e h l e, ук. соч., стр. 38.

<sup>39</sup> Сатирическая драма «Сизиф» была поставлена и Эсхилом; см. V. S t e f f e n, Satyroggraphorum Graecorum Fragmenta, Poznan, 1952. Это не единственная точка пересечения рассматриваемых драматических сочинений с Эсхилом. См. W i l a m o w i t z, Analecta Euripidea, стр. 162; S c h m i d, S t ä h l i n, ук. соч., стр. 180, прим. 8; B l u m e n t h a l, ук. соч., стр. 28 сл.; ср. также A e s c h., Prom. 981 и C r i t., fr. 26 D.<sup>5</sup>, Prom. 385 и fr. 28 D.<sup>5</sup>

<sup>40</sup> W i l a m o v i t z, Analecta Euripidea, стр. 166; Kleine Schriften, IV, стр. 447. Поздняя античность располагала текстом только одного из этих двух «Сизифов». Иначе непонятно, почему под разными именами цитировалась одна и та же драма (или объяснение этого факта требует чрезмерно хитроумных допущений). Поэтому Стеффен напрасно делит фрагменты «Сизифа» на принадлежащие Критию и принадлежащие Еврипиду.

<sup>41</sup> A r i s t., Rhet. 16.1416b; P h i l o s t r., Vit. Soph. II, 1, 14.

<sup>42</sup> Это следует из того же высказывания Аристотеля (см. прим. 40).

<sup>43</sup> Ближе ко времени Аристотеля стоят Гекатей Абдерский и Сатир.

<sup>44</sup> Ср. W i l a m o w i t z, Plato, I, 118 и прим. к стр. Виламовиц резонно указывает на возможную роль книготорговцев в формировании этой традиции.

что Критий был трагическим поэтом, а не оказывались перед необходимостью выводить этот факт из косвенных данных <sup>45</sup>.

2. Платон <sup>46</sup>: Критий ставил свои произведения в театре. Следовательно, он ставил тетралогию. Из сказанного выше следует, однако, что Критий поставил только одну тетралогию <sup>47</sup>.

3. Vit. Eur.: а. Не достоверно Еврипидовы — 3 трагедии + 1 сатинова драма, — следовательно, тетралогия?! <sup>48</sup> б. Из четырех драм одна, состоящая из трех трагедий (трилогия?!), приписывается Критию, ему же приписывается сатинова драма.

Таким образом, если принять, что автором «Пиритоя» и «Сизифа» был Критий, то мы имеем достаточно оснований считать: Критий поставил тетралогию «Тенн», «Радамант», «Пиритой», «Сизиф» <sup>49</sup>.

Некоторое подтверждение результатам анализа внешних данных можно почерпнуть в анализе данных внутренних, т. е. сохранившихся фрагментов драм. Прежде всего мы остановимся на космогоническом фрагменте «Пиритоя» (593 N.<sup>2</sup> = 19 D.<sup>5</sup> = 4 Sn.):

σὲ τὸν αὐτοφυῆ, τὸν ἐν αἰθερίῳ  
 ῥύμβῳ πάντων φύσιν ἐμπλέξανθ',  
 ὃν περὶ μὲν φῶς, περὶ δ' ὄρφναία  
 νύξ αιολόχρως ἀκριτὸς τ' ἄστρων  
 ὄχλος ἐνδελεχῶς ἀμφιχορεύει.

1 αὐτοφυῆ Dind. 2 ῥύμβῳ Sat. et Ap. Hsh.  
 ἔριμβῳ Eus.; ὄμβρῳ Clem. (аппарат Б. Снеля).

О чем идет речь? Что подразумевается за этим σὲ τὸν αὐτοφυῆ? Климент Александрийский, который приводит этот отрывок, поясняет: ἐναυθὰ γὰρ τὸν μὲν αὐτοφυῆ τὸν δημιουργὸν νοῦν εἶρηκεν (Str. 5, 114/2, 403 Stählin). Этот комментарий принимают Виламовиц <sup>50</sup>, Герштингер <sup>51</sup>, Кранц <sup>52</sup>, Стефанс <sup>53</sup>, Шмид <sup>54</sup>, а также, по-видимому, Аригетти <sup>55</sup>, Уэбстер <sup>56</sup>, Дюмон <sup>57</sup>.

На первый взгляд ремарка Климента не вызывает каких-либо сомнений (по крайней мере в том, что имеется в виду νοῦς). Как будто космогония действительно в анаксагорическом стиле. Следует, однако, быть осторожным. Поздняя античность настойчиво и далеко не всегда правомерно стремится связать Еврипида с Анаксагором. При сложившемся положении

<sup>45</sup> См. также Hofmann, ук. соч., стр. 140. Отметим, что это обстоятельство (Критий не знали как специально драматурга) могло сильно облегчить отчуждение его драматических сочинений в пользу Еврипида.

<sup>46</sup> Решающими здесь являются именно платоновские данные. Об Афинее, Сексте и Стобее в принципе можно было сказать (хотя мы и не согласились бы), что их свидетельства восходят к сочинениям, Критию неза заслуженно приписанным. Кроме того, только из Платона окончательно ясно, что Критий драмы не только писал, но и ставил.

<sup>47</sup> Подобного рода практика засвидетельствована Аристофаном (Ran. 94).

<sup>48</sup> Ср. Wilamowitz, Kleine Schriften, IV, 447.

<sup>49</sup> В отличие от Бласа (ук. соч., I, стр. 269) и Шмида (ук. соч., III, стр. 180) мы не думаем, чтобы афинский архонт не допустил «Сизифа» к постановке. По ходу драмы Сизиф, очевидно, нес должное наказание и т. д.

<sup>50</sup> Analecta Euripidea, стр. 165; cf. Kleine Schriften, IV, стр. 482.

<sup>51</sup> Herstinger, Satyros' βίος Εὐριπίδου, «Wiener Studien», 1916, стр. 57.

<sup>52</sup> Fragmente der Vorsokratiker, стр. 384; nämlich νοῦν anaxagoreisch (59 B 12)... δημιουργὸν wird falsch erklärt.

<sup>53</sup> Stephens, ук. соч., стр. 73, 83.

<sup>54</sup> Schmidt, Stählin, ук. соч., III, стр. 178; 174, прим. 2.

<sup>55</sup> Satyro. Vita di Euripide. A cura di G. Arrigetti, Pisa, 1964, стр. 108 сл.

<sup>56</sup> Webster, ук. соч., стр. 21 и прим. 32.

<sup>57</sup> Dumont, ук. соч.

наш отрывок непременно должен был вызывать ассоциации с этим философом<sup>58</sup>. Между тем νοῦς во фрагменте нигде не назван<sup>59</sup>, и если учесть чуждое Анаксагору δημιουργόν, то комментарий Климента производит впечатление толкования, а не точного знания.

Наше предположение подтверждает схолий к стиху 982 Еврипидова «Ореста»<sup>60</sup>. Сам пассаж в «Оресте» нас сейчас не должен занимать. Схолиаст толкует трудное место как отражение влияния и приводит далее первые два стиха фрагмента. Сходство — мнимое, вызванное стремлением свести к одному знаменателю — Анаксагору. Важно следующее пояснительное замечание: οὐδεν γὰρ διαφέρει ὑπὸ τῆς φύσεως εἰπεῖν πάντα διαπεπλέχθαι καὶ ὑπὸ ἀλύσεως ἐξηγητῆσθαι τοῦ λίθου (последняя часть фразы относится к толкованию «Ореста»). Νοῦς не назван, хотя именно он соответствовал бы задаче схолиаста. Схолиаст не только, однако, не видит в тексте анаксагоровского νοῦς, он вообще плохо понимает смысл сказанного (либо предлагает свое толкование). Действующим лицом у него становится φύσις (ὑπὸ τῆς φύσεως... πάντα διαπεπλέχθαι), иначе у автора «Пиритоя». Не исключено, что в стихах, смежных с нашим фрагментом, не разъяснялось, что скрывается за этим δὲ τὸν αὐτοφυῆ, и это создавало затруднения<sup>61</sup> и возможность разных толкований, одним из которых и является замечание Климента. Возможно также, что все авторы, цитирующие этот фрагмент, брали его из доксографической традиции, не читая трагедию<sup>62</sup>, недаром его часто цитируют. Так или иначе очевидно одно: комментарий Климента ни к чему не обязывает.

Перейдем теперь к интерпретациям ученых нового времени. Кейпер, указавший на неуместность δημιουργόν рядом с νοῦν для Анаксагора, считает, что автор «Пиритоя» (именно — Еврипид) имеет в виду αἰθήρ<sup>63</sup>. Вариант Кейпера явно неудачен: αἰθήρ, подразумеваемый за сέ, рядом с ἐν αἰθέριω ῥόμβῳ — это невозможно. Диле предлагает видеть Himmelsgrund<sup>64</sup>, никак, однако, не аргументируя свою точку зрения. Нестле предложил χρόνος<sup>65</sup>, Катауделла — Зевса орфиков<sup>66</sup>, большинство, как было отмечено, видит в неназванной космогонической силе νοῦς<sup>67</sup>.

Виламовиц и Катауделла, предлагая различные интерпретации, оба, как и Арним<sup>68</sup>, соглашаются в следующем: два отрывка из «Пиритоя», по отдельности процитированные Климентом (Str. 5, 36 и 5, 114), составляют единый текст:

δὲ τὸν αὐτοφυῆ, τὸν ἐν αἰθερίῳ  
 ῥόμβῳ πάντων φύσιν ἐμπλέξανθ',  
 ὃν περὶ μὲν φῶς, περὶ δ' ὄρφνια  
 νόξ αἰολόχρως ἀκριτὸς τ' ἄστρων  
 ὄχλος ἐνδελειχῶς ἀμφιχορεύει.  
 + Fr. 594 N.<sup>2</sup> = 18 D.<sup>3</sup> = 3 Sn.

<sup>58</sup> Сатир (37, II) приводит этот отрывок, желая, очевидно, продемонстрировать влияние на Еврипида Анаксагора, который упоминается в 37, I и 37, III. Ср. H e r s t i n g e r, ук. соч., стр. 57 сл. и Snel ad fr. 4 Crit.

<sup>59</sup> S a t y r., Vit. Eur.:

πας, [\*] ο[\*]υα  
 τὸν ἐν αἰθή[ρι-]  
 ωι κτλ.

<sup>60</sup> S c h w a r t z, ук. соч., I, стр. 193 сл.

<sup>61</sup> Плохо понимает (или помнит) текст также схолиаст к Ap. Rhod., Δ, 143 sq.

<sup>62</sup> W i l a m o w i t z, Kleine Schriften, IV, стр. 481: Климент трагедию не читал.

<sup>63</sup> K u i p e r, ук. соч., стр. 382.

<sup>64</sup> D i e h l e, ук. соч., стр. 33, прим. 10.

<sup>65</sup> N e s t l e, ук. соч., стр. 104.

<sup>66</sup> A t h e n a e u m, N. S., Pavia, 1932, X, стр. 266 слл.

<sup>67</sup> Книга «Sofisti», A. cura di M. Untersteiner, fasc. 4, Firenze, 1962 осталась нам недоступной.

<sup>68</sup> H. v o n A r n i m, Supplementum Euripideum, Bonn, 1913, стр. 41 сл.

ἀνάμας τε χρόνος περί γ' ἀνάμα  
 ῥεύματι πλήρης φοιτᾷ τίκτων  
 αὐτὸς ἑαυτὸν· δίδυμοι τ' ἄρκτοι  
 ταῖς ὠκυπλάνοις πτερύγων ῥιπαῖς  
 τὸν Ἀτλάντειον τηροῦσι πόλον.

Мы привели рукописный вариант, который отстаивает Арним. γέ смущает, однако, большинство филологов<sup>69</sup>, Виламовиц (ему следует Катауделла) περί γ' меняет на περί σ'<sup>70</sup>, и текст, таким образом, получает еще большее единство.

Мы, однако, не согласимся с «небольшим изменением» Виламовица и не станем также, как Арним, связывать περί γέ с περί fr. 4 Sn.<sup>71</sup> Не говоря уже о том, насколько рискованно склеивать подобного рода фрагменты, и не придавая решающего значения тому, что и Климент берет оба фрагмента из разных источников<sup>72</sup>, и другие авторы, цитирующие эти фрагменты, никогда не упоминают их вместе, подчеркнем только, что и по смыслу чтение этих двух отрывков единым текстом не кажется нам удачным (какая бы сила ни подразумевалась за σέ). У двух различных сил оказываются два тождественных приложения — αὐτοφυῆ (fr. 4 Sn) и τίκτων αὐτὸς ἑαυτὸν (fr. 3 Sn.), в нашем случае это особенно неподходяще, ибо нарушается иерархия: такое важное, кардинальное свойство, как самопорождение, оказывается присущим не только некоей главной силе, сплетающей природу всего, но и еще одному элементу космогонии — χρόνος.

А если два фрагмента нельзя прочесть как сплошной текст и если, как было показано, комментарий Климента нас ни к чему не обязывает, то со всей очевидностью выступает справедливость точки зрения В. Нестле: αὐτοφυῆ = τίκτων αὐτὸς ἑαυτὸν. Но последнее относится к χρόνος. Следовательно, и за σέ τὸν αὐτοφυῆ скрывается тот же χρόνος!<sup>73</sup>

Итак, автор «Пиритоя» говорит о Времени — χρόνος. По его мысли, χρόνος сплел природу всего: речь идет о Вселенной, космосе (ἄκριτός τ' ἄστρων ὄχλος). И мысль о χρόνος, дважды повторенная в трагедии, является, очевидно, важной для автора.

Сопоставим теперь два рассмотренных фрагмента «Пиритоя» со знаменитым фрагментом «Сизифа», в котором речь идет о том, как некий мудрый муж изобрел богов (1 Crit. N<sup>2</sup>. = 25D<sup>5</sup>. = 19Sn.):

«А живут, сказал он, боги в том месте (говоря о котором он особенно поразил бы людей), откуда, как он постиг, проистекает страшное для смертных и полезное для многострадальной жизни — вращающейся над нами небесный свод (περιφορά), где, как он хорошо знал, — молнии, ужасные удары грома и неба звездоглазое тело — прекрасный пестрый узор Времени, мудрого зодчего (χρόνου καλὸν ποικίλμα τέκτονος σοφοῦ), откуда восходит и сияющая раскаленная глыба солнца, и мокрый ливень откуда сходит на землю» (сткк. 27—36). Та же мысль о Времени как зодчем Вселенной!<sup>74</sup>

<sup>69</sup> περίξ Meineke, τ' Schwartz (за ним Дильс/Кранп и Снель).

<sup>70</sup> Wilamowitz, Kleine Schriften, IV, стр. 481.

<sup>71</sup> С другой стороны, вслед за Арнимом мы допускаем возможность рукописного чтения, если считать, что περί γέ связывает отрывок с предшествующим, нам неизвестным текстом.

<sup>72</sup> Fr. 4 Sn. он берет у Гекатея Абдерского, для fr. 3 Sn. источник неизвестен. Похоже, что Климент не знает в данном случае ни автора, ни названия драмы (которая отождествляется с «Пиритоем» из параллельной цитаты в сохлгиях к Aristoph., Av. 179).

<sup>73</sup> Точку зрения Нестле принимает Фоссати (ук. соч., стр. 109).

<sup>74</sup> Подчеркнем, что и «Пиритой» говорит именно о зодчем, устройтеле Вселенной, сплетающем или заворачивающем природу всего (а не о зодце орде Вселенной). На близость между фрагментами обращали внимание еще Нестле, Фоссати и Шмид (Schmid, Stählin, ук. соч., III, стр. 177, прим. 6).

Есть и другие черты, сближающие этот фрагмент «Сизифа» с fr. 3 и 4 Sn. «Пиритоя»: περιφορά (стк. 31) и αἰθερίω ῥύμιβω, круговое движение в отрывках «Пиритоя»; игра противоположностями: φῶς — νύξ ὀρφναία (fr. 4Sn.) и φόβος — ὄνησις (сткк. 29—30), λαμπρὸς ἀστέρως μύδρος ὑγρὸς ὀμβρὸς (сткк. 35—36)<sup>75</sup>. Сближает «Пиритой» и «Сизиф» и влияние Анаксагора<sup>76</sup>.

Итак, «Пиритой» и «Сизиф» написаны, по-видимому, одним автором, и оба произведения независимо друг от друга приписываются Критию. Есть и другой аргумент в пользу Крития. В «Сизифе», как известно, излагается теория происхождения религии как результата обмана некоего мудрого мужа. Но слова о Времени принадлежат не этому мудрому мужу, а герою драмы, излагающему всю атеистическую теорию, он разъясняет, почему боги были помещены именно на небо. В этом контексте мысль о космическом плотнике Времени противостоит выдумке некоего мужа о богах — это то, как есть на самом деле, эта мысль является важным звеном всей атеистической теории. Разделяет ли эту теорию автор «Сизифа»? Но та же самая мысль о Времени высказана в «Пиритое», причем независимо от атеистической доктрины. И если автором обеих драм является один человек, то мысль о Времени, как и соответственно вся изложенная в «Сизифе» теория, являются авторскими (а не принадлежащими кому-нибудь из героев, не выражающих авторской позиции). Для Еврипида это в высшей степени странно, но нет никаких препятствий считать это возможным для Крития.

Остается, однако, еще одна, не легко разрешимая трудность: из сочинений Еврипида можно подобрать несколько фрагментов, в которых χρόνος описывается как будто весьма сходно с «Пиритоем» и «Сизифом». Большинство таких мест собрал Кейпер (ук. соч., стр. 384): Bell, Fr. 303, 304 N<sup>2</sup>.; Antiop., Fr. 222 N<sup>2</sup>.; Adesp. 483 N<sup>2</sup>. (Kuiper: Oidipod.); Dind., Fr. Eur. 510 — Nauck Adesp. 510.

Рассмотрим все эти фрагменты.  
Bell. 303 N<sup>2</sup>.:

οὐδέποτε' εὐτυχίαν κακοῦ ἀνδρὸς ὑπέρφρονα τ' ὄλβον  
βέβαιον εἰκασαί χρεῶν,  
οὐδ' ἀδίκων γένεαν· ὁ γὰρ οὐδενὸς ἐκφύς  
χρόνος δικαίους ἐπάγων κανόνας  
δείκνυσιν ἀνθρώπων κακότητας ἐμοί.

Здесь, как мы видим, χρόνος выступает в качестве нравственной, отнюдь не космогонической силы. οὐδενὸς ἐκφύς придает вес χρόνος не как главному космогоническому началу, организующему природу, а как высшему гаранту справедливости, причем в первом случае свойство быть никем не рожденным выглядит более уместным.

Bell. 304 N<sup>2</sup>.:

ποῦ δὴ τὸ σαφές θνατοῖσι βιοτᾶς;  
θραῖσι μὲν ναυσὶ πόρον πλοαὶ κατὰ βένθος ἄλιον  
ἰθύνοῦσι· τύχας δὲ θνητῶν  
τὸ μὲν μέγ' εἰς οὐδὲν ὁ πολὺς χρόνος  
μεθίστησι, τὸ δὲ μετὼν αὐξῶν.

И опять χρόνος поставлен в связь с человеческими судьбами, а не звездами и небом.

<sup>75</sup> Ср. также Clem., Str. 5, 114/II, 403 St.

<sup>76</sup> См. W. Nestle, Vom Mythos zum Logos, 2. Aufl., Stuttgart, 1942, стр. 412, прим. 73, 74.

Antiop. 222 N<sup>2</sup>.:

τὴν τοι Δίκην λέγουσι παῖδ' εἶναι χρόνου,  
δείκνυσι δ' ἡμῶν ὅστις μὴ κακός.

Хотя Правда названа дочерью Времени, очевидно все-таки, что перед нами совсем еще не χρόνος-созидатель (τέκτων σοφός), о котором говорит автор «Сизифа» и «Пиритоя». Все тот же нравственный аспект χρόνος, что и во фрагментах «Беллерофонта». Из этой трагедии можно, кстати, привести еще один отрывок, иллюстрирующий наше наблюдение (fr. 291 N<sup>2</sup>):

ὁ γὰρ χρόνος διδάγμα ποικιλώτατον.<sup>77</sup>

Следующие два фрагмента, может быть, и не принадлежат Еврипиду, хотя они, как мы увидим, близки приведенным выше.

Adesp. 483 N<sup>2</sup>.:

ὁρῶ γὰρ χρόνον  
δίκαν πάντ' ἄγουσαν εἰς φῶς βροτοῖς.

Adesp. 510 N<sup>2</sup>.:

οὐκ ἔστι πράσσοντας τι μοχθηρὸν λαθεῖν.  
ἔξ' βλέπει γὰρ ὁ χρόνος, ὅς τὰ πάνθ' ὄρα<sup>78</sup>.

Итак, во всех приведенных отрывках χρόνος выступает как гарант нравственного порядка, порядка человеческих судеб и нигде как космогоническая сила, сплетающая природу Вселенной, нигде как τέκτων («плотник»). Характерно, что при сходных функциях χρόνος выступает всегда почти в разных ипостасях, причем иногда он, по-видимому, легко может быть заменен чем-нибудь другим<sup>79</sup>.

Однако важно не только то, что во фрагментах Еврипида мы не обнаружили идеи, выраженной в «Пиритое» и «Сизифе»; важно и глубокое различие стилей, выступающее за сопоставлением отрывков, касающихся понятия χρόνος: фрагменты, прочно закрепленные за Еврипидом, обнаруживают интерес философствующего поэта, поглощенного человеческими судьбами, для которого χρόνος является метафорой, образом, связанным с темой нравственного порядка; фрагменты «Пиритоя» и «Сизифа» выдают интерес φιλόσοφα, обратившегося к поэзии, его χρόνος — это сила, созидающая Вселенную, это не случайный образ, а излюбленная, трижды повторенная мысль.

Итак, у «Пиритоя» и «Сизифа» один автор. Некоторые идейные и стилистические особенности фрагментов этих драм плохо подходят Еврипиду, зато отлично подходят Критию, которому (что и важнее) обе каждая независимо от другой и притом разными авторами приписывались.

Теперь в соответствии с обещанием, данным в начале работы, попытаемся показать, насколько фрагменты рассматриваемых драматических сочинений превосходно гармонируют с данными о биографии и творчестве Крития.

В общих чертах известно содержание «Пиритоя»: Пиритой, желая похитить Персефону, вместе с Тесеем спустился в Аид и получил подобающее воздаяние — он был прикован к скале и его стерегли драконы. Тесей

<sup>77</sup> Ср. χρόνου ποικίλμα в «Сизифе» (стк. 34); Eur., Hel. 1102: ἀστέρων ποικίλματα. Это, однако, ничего не решает. Ср. также Plato, Resp. 529 c: τὰ ἐν τῷ οὐρανῷ ποικίλματα. См. также прим. 9.

<sup>78</sup> Ср. Soph., Fr. 280 N<sup>2</sup>.

<sup>79</sup> В этом плане ср. приведенный выше fr. 222 N<sup>2</sup>. с fr. 151 N<sup>2</sup>: τὴν τοι Δίκην λέγουσι παῖδ' εἶναι Διός. Пожалуй, ближе к «Пиритю» и «Сизифу» Eur., Heraclid. 898—900. Но там тоже и идея другая, и опять в центре внимания человеческие судьбы.

же, считая постыдным покинуть друга, остался в Аиде. Геракл, посланный Еврисфеем за Кербером, избавил друзей от участи, выпавшей им по воле подземных богов<sup>80</sup>.

Большим новшеством в мифологической традиции было освобождение обоих друзей (а не одного Тесая). Пожалуй, новым было и то, что Тесей остался в Аиде добровольно. Плутарх сохранил яркий фрагмент (595N<sup>2</sup>. = 20 D<sup>5</sup>. = 6 Sn.): Тесей к Пиритю —

*αἰδοῦς ἀχαλκῶταισιν ἔξουκται πέδαις*

(прикован нерукотворными цепями чести).

Мы видим пафос дружбы, утверждающей себя даже в нечестии и перед лицом гнева всемогущих богов. И эта дружба получает оправдание и торжествует: Геракл (вопреки мифологической традиции) освобождает обоих. Все это очень хорошо согласуется с биографией Крития. Как политического деятеля мы всегда его видим в паре — сначала с Алкивиадом, затем в Фессалии с неким Прометеем, наконец, с Хариклом во времена Тридцати. Кому как не вождю гетерии<sup>81</sup> более всего подходит романтика дружбы соратников и оправдание ее даже в случае преступления перед богами?<sup>82</sup>

Паширус подарил нам отрывок из пролога (?), в котором Пиритой вспоминает о прегрешениях перед богами Иксиона, его отца, и о суровой каре, которую тот понес<sup>83</sup>. Дерзостного Пиритоя не смутила, однако, участь отца. Мы видим какое-то наследственное богоборчество. Не скрывается ли за этим неистовствующий тиран<sup>84</sup>, павший в битве с враждебным ему демосом, — так и с гибелью тирана рухнул режим Тридцати?<sup>85</sup>

Аристократизму Крития соответствует фрагмент, начинающийся словами: «Благородный характер надежнее закона»<sup>86</sup>.

Уже упоминался следующий отрывок из «Пиритоя» (598 N<sup>2</sup>. = 21 D<sup>5</sup>. = 10 Sn.):

*ὁ πρῶτος εἰπὼν οὐκ ἀφροσύνη φρενὶ  
ἔρριψεν ὅστις τὸνδ' ἐκαινίτσειν λόγον,  
ὡς τοῖσιν εὖ φρονόσι συμμαχεῖ τὴχη.*

Виламовиц, пожалуй, прав, когда видит здесь намек на Сократа<sup>87</sup>. Сократу действительно не чуждо представление о том, что правильно поступающий человек не может не быть счастливым. Но акценты в нашем фрагменте можно расставить и иначе. За ним можно увидеть энергичного человека, полагающегося только на самого себя, не желающего считаться с какими-то божественными силами и — в аристофановском стиле — «Крития по природе»<sup>88</sup>.

Виламовиц опускает слова *ὁ πρῶτος εἰπὼν*, считая, что их ради восстановления целостности стиха добавил Стобей, «*interpolatorum sollertis-*

<sup>80</sup> См. у Наука, Дильса и Снеля, см. также Н. R a b e, *RhM*, 68, 1908, стр. 144 сл.

<sup>81</sup> *L u s.*, XII, 55.

<sup>82</sup> Гетерии действительно практиковали коллективные преступления, чтобы крепче связать своих членов.

<sup>83</sup> Об этом фрагменте (в том числе об остроумном дополнении Хаусмена) см. P a g e, *ук. соч.*, стр. 122 сл.

<sup>84</sup> *C r.* X e n., *Mem.* I, 2, 12; A r i s t., *Rhet.* A 15.1375b 32.

<sup>85</sup> Нетрудно заметить, что сюжет «Пиритоя» (наследственное богоборчество, освобождение Пиритоя) перекликается с «Сизифом».

<sup>86</sup> *Fr.* 597 N<sup>2</sup>. = 22 D<sup>5</sup>. = 11 Sn. Параллели из Еврипида см. у Кейнера (*ук. соч.*, стр. 374 сл.); см. также N e s t l e, *Kritias...*, стр. 105; W i l a m o w i t z, *Kleine Schriften*, IV, стр. 482.

<sup>87</sup> W i l a m o w i t z, *Analecta Euripidea*, стр. 165.

<sup>88</sup> Если наша догадка верна, то это проливает свет на то, что такие люди, как Критий, могли брать у Сократа.

simus». Его редакцию принимает Снелъ. Однако нет никакой нужды изменять текст. ὁ πρῶτος εἰπὼν — вариация на тему πρῶτος εἴρητης; и отлично корреспондирует с элегией Крития (fr. 2 D.<sup>5</sup>), в которой идет речь о различных изобретениях, как и с большим фрагментом «Сизифа» (стк. 41 сл.):

οὕτω δὲ πρῶτον οἴομαι πείσαι τινα  
θνητῶς νομίζειν δαιμόνων εἶναι γένος.

В наиболее значительном из фрагментов «Радаманта» (659 N<sup>2</sup>. = 15 D<sup>5</sup>. = 17 Sn.) поэт говорит о различных человеческих стремлениях: один стремится сделаться знатным, другой — стать отцом богатого дома, третий склоняет к дурной дерзости, другие позорную корысть предпочитают прекрасному; ему же ничего этого не нужно, он хотел бы иметь добрую славу. Этот фрагмент также выдает влияние Сократа. Действительно, представление о том, что богатство, власть и т. д. не только являются чем-то дурным, если они приобретены неправедным путем, но и чем-то ничемным, к чему разумный человек не станет стремиться, — это представление как раз в духе сократического<sup>89</sup>.

Этический пафос вообще характерен для фрагментов всех трех оспариваемых трагедий (fr. 12 — «Тенн», 15, 20, 22, 23, D.).

Наконец, и стиль — торжественный и полный сентенций — как раз соответствует характеристике стиля Крития, данной Филостратом и Гермоденом<sup>90</sup>.

Строгая критика должна, однако, ясно сознавать, что на все это можно возразить: говорить о стиле по отдельным фрагментам рискованно, обилие сентенций в наших отрывках обусловлено особенностями цитирования — именно сентенции и цитировали; тема дружбы отнюдь не чужда Еврипиду, и у него же Кейпер находит параллели к некоторым фрагментам «Пиритоя»<sup>91</sup>. Тем не менее мы считаем, что наши наблюдения являются еще одним аргументом в пользу принадлежности обсуждаемых сочинений Критию.

Но когда Критий мог поставить свою тетралогию? Очевидно, что до своего изгнания, в котором Критий уже находился в 406 г. (Xen., Hell. II, 3, 36). Изгнан он был из города немногим раньше, скорее всего по предложению Клеофонта (Arist., Rhet. A 15. 1375 b и 32) и в связи со вторым падением Алкивиада. Таким образом, тетралогия была поставлена до 407 г.<sup>92</sup> Для более определенной датировки, может быть, имеет смысл опереться на имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты, хотя мы и соз-

<sup>89</sup> Ср. fr. 596 N<sup>2</sup>. = 23 D.<sup>5</sup>

Разве не лучше вообще не жить, чем жить дурно?

<sup>90</sup> См. D<sup>5</sup>A 1; 17; 19; ср. U s h e r, ук. соч., стр. 129 слл.

Блюменталь (ук. соч., стр. 27) отмечает влияние риторики Горгия на стиль автора «Сизифа». Учеником Горгия в области ораторского искусства называет Крития античная традиция, что должно быть основано, если и не на положительных свидетельствах, то на реальном сходстве ораторской манеры одного и другого.

<sup>91</sup> Один стих (fr. 591 N<sup>2</sup>. = 16 D.<sup>5</sup> = 1 Sn.) даже тождествен стиху из «Мудрого Меланиппа» (Ζεός, ὃς λέλεχται τῆς ἀληθείας ὕπο). «Надо надеяться, — пишет по этому поводу Виламовиц, — никто не станет думать, что Еврипид повторил самого себя» (Kleine Schriften, I, стр. 449). Ср., однако, Fr. S c h r o e d e r, De iteratis apud tragicos graecos, Diss. Argentorati, 1832; P. W. H a r s h, Repetition of Lines in Euripides, Hermes, 72, 4, 1937 (см. особенно стр. 435 и прим.). Во всяком случае, возможность заимствования отрицать нельзя.

<sup>92</sup> Так думает Нестле (Kritias..., стр. 93). Виламовиц (Analecta Euripidea, стр. 166) ошибочно полагал, что Критий в 411 г. уже вернулся из изгнания, потом (Plato I, 118; Melanippe, 1921 = Kleine Schriften, I, стр. 449) он исправляет свою ошибку. Действительно, Виламовиц на протяжении всей своей научной деятельности периодически возвращался к обсуждаемой здесь теме. «Wird nun die Wahrheit durchdringen?», — восклицает он в 1927 г. (Kleine Schriften, IV, стр. 447).

знаем крайнюю рискованность такого рода построений. В папирусном фрагменте «Пиритоя» (fr. 7Sn.) Геракл восхваляет афинян, которые всегда приходят на помощь находящимся в несчастье. Такая патриотическая позиция, выраженная официальным лозунгом афинской демократии, возможна для Крития либо в период с 410 по 407 г. — время нового возвышения Алкивиада и наибольшей до времени Тридцати политической активности самого Крития, приведшей его к изгнанию, либо, еще лучше, до лета 415 г. — первого падения Алкивиада и первых крупных неприятностей, которые Критий претерпел от афинской демократии: он был арестован и находился в тюрьме в связи со скандальными процессами того года (Andoc., De myst., 37, 47). В другом фрагменте (fr. 591 N<sup>2</sup>. = 16 D<sup>5</sup>. = 1 Sn.) автор «Пиритоя» выбирает менее популярную версию аргосского происхождения Геракла. Аргосец Геракл со знанием дела говорит об афинской помощи. Это особенно уместно в ситуации 416 г. — после тех невзгод, которые испытала аргосская демократия, и нового союза с Афинами, заключенного при активнейшем участии Алкивиада (Plut., Alc. 15; Thuc., V, 82). Тот же Алкивиад выступил инициатором Сицилийской экспедиции, для пропаганды которой как раз подходил лозунг помощи несчастным. Таким образом, лучшее время для тетралогии Крития 416 или начало (как раз Ленеи и Дионисии) 415 г.

Подведем итоги. Более столетия назад У. Виламовиц-Меллендорф выдвинул гипотезу о принадлежности спорных драм Критию. Однако некоторые ученые, специально занимавшиеся этими драмами, не приняли гипотезу и выступили с немаловажными возражениями против нее. Мы стремились показать, что, хотя полемика носила плодотворный характер (Кейпер изучил соотношение фрагментов «Пиритоя» с произведениями Еврипида, Диле исследовал место Крития и Еврипида в традиции об атеистах), высказанные возражения против авторства Крития решающей силы не имеют. При этом мы исходили из той общей презумпции, что в высшей степени маловероятно, чтобы сочинения знаменитого поэта были приписаны поэту незначительному; гораздо правдоподобнее обратное. Анализируя традицию, мы попытались показать, что сообщение Афинейя восходит к авторитетному Памфилю. По-видимому, можно считать доказанным, что Платон свидетельствует, что какие-то драмы Критием были поставлены. Но, судя по всему, Критий поставил только одну тетралогию, а предположение, что ее вместе с «Пиритоем» и «Сизифом» составили «Тенн» и «Радамант», основывается на «Жизнеописании» Еврипида. В «Лягушках» Аристофана мы ожидали найти многочисленные аллюзии на трагедию «Пиритой» — в случае, если ее автором был Еврипид. Отсутствие таковых говорит в пользу Крития. Наконец, в результате анализа самих драматических фрагментов (значительное внимание здесь было уделено интерпретации fr. 593 N<sup>2</sup>. = 19 D<sup>5</sup>. = 4 Sn.) были выявлены некоторые черты, общие для «Пиритоя» и «Сизифа» и чуждые, по-видимому, Еврипиду. Мы убедились также в том, что многие фрагменты гармонируют с обстоятельствами биографии Крития и фрагментами его сочинений в других жанрах. Все это заставляет нас держаться мнения, что тетралогия «Тенн», «Радамант», «Пиритой», «Сизиф» была поставлена Критием.

Д. В. Панченко

#### EURIPIDES OR CRITIAS?

D. V. Panchenko

Authorship of the *Tennes*, *Rhadamanthys*, *Peirithoos* and *Sisyphos* has been assigned alternately to Euripides and to Critias. The author of the present article, using the work

already done by Wilamowitz and others, presents the following additional arguments in favour of assigning authorship of these plays to Critias. (1) Athenaeus's information in XI 496 AB comes from Pamphilus, and through him surely from good earlier sources. (2) It is possible to infer from a comparison of Pl., *Crit.* 108b with *Symp.* 194ab (cf. *Charm.* 162d) that Critias not only composed dramas but had them performed. There is, however, reason to think that he had only one tetralogy performed. The idea that this tetralogy comprised, besides the *Peirithoos* and *Sisyphos*, also the *Tennes* and *Rhadamanthys* comes from the *Vit. Eur.* (3) The author of the *Frogs* apparently knew nothing of a *Peirithoos* by Euripides. (4) The cosmogonic force spoken of in frag. 593 N.<sup>2</sup> = 19 D.<sup>5</sup> = 4 Sn. of the *Peirithoos* is  $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$ , endowed with the same functions it has in the *Sisyphos*, functions quite different from those it has in unquestionably authentic works of Euripides. (5) The theory set forth in the *Sisyphos* is endorsed by the author of that play, which does not sound right for Euripides but accords well with ancient tradition about Critias. (6) Many of the fragments from these plays fit in nicely with the biographical data on Critias and his work in other genres. (7) The author of the present article starts from the premise that it would be most unlikely for the works of a famous poet to be attributed to a minor poet (the converse is highly probable) — all the more unlikely because, though a great number of his works in other genres survived into late antiquity, as a dramatist Critias was little known.